

Наконец Ли Чэнь дал ответ:

— Я найму тебе повара.

— А? — Цзи Шаотин не мог не удивиться. — Не нужно...

— Я часто хожу в рестораны, — перебил Ли Чэнь, — ты будешь учиться у них. То, что ты узнаешь снаружи, мне может не понравиться.

Этот аргумент был настолько логичным и безупречным, что Цзи Шаотин мог только принять его с благодарностью, а затем с сожалением подумал, что он не сможет познакомиться с людьми, с которыми можно было бы поговорить.

Он не мог понять скрытое за этим решением желание Ли Чэня контролировать его. Это нельзя было назвать его глупостью, потому что даже сам Ли Чэнь не осознавал, насколько он не хочет, чтобы Цзи Шаотин покидал обозначенную им зону, это могло быть небезопасно, например, из-за чужого любопытства.

Ли Чэнь был очень властным человеком в работе: если он хотел проект, то он точно становился его проектом, никто другой не мог получить от него и крохи. То же самое касалось и Цзи Шаотина.

Цзи Шаотин расставлял посуду в посудомоечной машине, услышал, как Ли Чэнь закрыл за собой дверь, и через окно проводил его взглядом, когда он выезжал из двора. В его сердце было чувство тоски.

Ли Чэнь шёл на работу, а у него сейчас работы не было — хотя это было не совсем так, сейчас он был чем-то вроде слуги.

Но его положение было хуже, чем у слуги: семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки ему не разрешалось покидать зону, обозначенную Ли Чэнем, его социальная жизнь практически свелась к нулю, единственным центром его жизни был Ли Чэнь. Он не знал, сколько ещё продлится такая жизнь, но знал, что она ему не нравится.

Но даже если она ему не нравилась, он должен был смириться.

Цзи Шаотин позвонил домой, рассказывая только о хорошем, не упоминая о жизни, похожей на заключение, и говорил, что всё в порядке. Он произносил эти слова, лежа на огромной кровати королевского размера, которую Ли Чэнь ему предоставил, перевернув камеру, чтобы показать роскошный интерьер комнаты, что добавляло его словам убедительности.

Мать Цзи Шаотина с облегчением сказала:

— Господин Ли действительно хороший человек.

— Да, — подумал Цзи Шаотин, действительно хороший, просто очень контролирующий.

— Тогда ты обязательно слушайся господина Ли и помоги ему в этом деле.

— Я всё помню, — Цзи Шаотин повернулся на бок, заглядывая в телефон, — а где мой брат?

— С папой поехал встречаться с клиентами, господин Ли помог нашей компании, теперь финансы снова в порядке. Тинтин, ты действительно должен его поблагодарить, делай всё, что он скажет, понимаешь?

— Я всё понимаю, — только с семьёй Цзи Шаотин позволял себе капризничать, жалуясь и кокетничая, — я даже больше вас боюсь, господин Ли выглядит таким суровым.

— Врёшь! — мать сразу же отвергла это, — я видела его на фотографиях, он очень красивый.

— На фотографиях он улыбается для бизнеса, а мне он не улыбается. — Только сказав это, Цзи Шаотин понял, что он действительно затаил обиду на это. Ли Чэнь никогда не улыбался ему.

Цзи Шаотин поговорил с матерью ещё о чём-то, после окончания разговора он переключился на музыкальное приложение, включил саундтрек к фильму и, лежа, некоторое время смотрел на хрустальную люстру, прежде чем медленно подняться и начать распаковывать вещи.

Яркий солнечный свет заливал комнату, Цзи Шаотин по одному встраивал свои вещи в новое жилище. В этом новом доме его время было чем-то незначительным, которое он мог тратить в огромных количествах.

За окном возвышался Торговый центр, компания недвижимости «Минъань» Ли Чэня занимала самый верхний этаж. Цзи Шаотин чувствовал, что они с Ли Чэнем находились на разных сторонах весов: чем выше был Ли Чэнь, тем ниже был он.

Цзи Шаотин закончил уборку и ждал, когда наступит послеобеденная сонливость. Время шло секунда за секундой, свет на стене медленно смещался на запад, и когда он проснулся, в комнате было темно.

Болезнь Чэнь Пэй была под контролем, но такой удар сам по себе был огромным испытанием для здоровья. Цзи Шаотин чувствовал, что её простыни были особенно бледными, словно скрывали не тело, а призрак. Иногда ему приходилось наклоняться к её губам, чтобы расслышать слова:

— Тинтин, как ты познакомился с Ачэнем?

Ли Чэнь сказал, чтобы избежать расхождений в их историях, всё, что касалось их отношений, Цзи Шаотин должен был придумать сам. Цзи Шаотин улыбнулся, сел в кресло и, учитывая характер Ли Чэня, придумал правдоподобную историю:

— Сказать честно, это я за ним ухаживал.

В глазах Цзи Шаотина Ли Чэнь не был тем, кто стал бы снисходить до активного ухаживания. Цзи Шаотин даже сомневался, способен ли Ли Чэнь вообще любить, он даже свою любовь к матери выражал сдержанно.

Он организовал для неё самый комфортный номер, использовал самые дорогие лекарства, нанял самых опытных врачей, каждый вечер после работы обязательно приходил навестить, но каждый раз ограничивался словами «Мама, я пришёл», а затем садился у кровати, позволяя Цзи Шаотину разговаривать с ней.

Ли Чэнь не был молчаливым человеком, но когда дело касалось чувств, он, казалось, не знал, как выразить их словами.

— Долго за ним ухаживал, прежде чем добился. — Сказав это, Цзи Шаотин быстро взглянул на Ли Чэня. Ли Чэнь подумал, что этот человек отлично играет свою роль, даже уши покраснели.

Он не знал, что Цзи Шаотину действительно было неловко, он редко врал.

За эти несколько дней Цзи Шаотин уже рассказал «свекрови» всё о себе: своё происхождение, образование, работу, увлечения, ничего не утаивая. И, как и предполагал Ли Чэнь, его впечатляющее резюме произвело на Чэнь Пэй очень хорошее впечатление, особенно его работа.

— Вы знаете, я занимаюсь благотворительностью, — Цзи Шаотин сочинял историю, — я встретил Ачэня на благотворительном аукционе.

— Наш фонд выставил детский рисунок, Ачень купил его, и когда мы поднимались на сцену для фотографии, лестница была узкой, ковёр плохо закрепили, я чуть не упал, а Ачень сзади подхватил меня, и так мы познакомились.

Цзи Шаотин потирал горящие уши, слегка опустил глаза и улыбнулся:

— Можно сказать, это была любовь с первого взгляда.

— Эта история.

На обратном пути Ли Чэнь вдруг произнёс эти слова. Цзи Шаотин оторвал взгляд от мелькающих за окном огней:

— Что?

— История, которую ты рассказывал моей маме, — Ли Чэнь не отрываясь смотрел вперед, — это действительно произошло с тобой? Детали очень правдоподобны.

Цзи Шаотин не видел смысла скрывать:

— Да.

Лицо Ли Чэня тонуло в мерцающем свете фонарей. Через некоторое время он спросил:

— Так ты влюбился с первого взгляда в того, кто тебя подхватил?

Цзи Шаотин на мгновение задумался, а затем не смог сдержать смешка:

— Господин Ли, тот, кто меня подхватил, был ребёнком, нарисовавшим ту картину, её зовут Харрия, мы пригласили её как гостя.

Сердце Ли Чэня наконец успокоилось, а затем он почувствовал, что его самолюбие немного пострадало, и с напускной безразличностью спросил:

— Правда?

Цзи Шаотин начал рассказывать и продолжил. Он говорил о детях с той же нежностью, что и с Чэнь Пэй, но более оживлённо:

— Харрии тогда было шестнадцать, она была высокой, но очень худой, стройной и длинной. После того как мы её приняли, мы обнаружили, что она гений, у неё отличное чувство цвета, она использовала более двадцати цветов в своих рисунках, и они не выглядели грязными или запутанными. Позже я долго искал и наконец устроил её в художественную школу. Если посчитать, через год она закончит обучение.

Цзи Шаотин мягко облокотился на подушку сиденья, его дыхание было таким же мягким, как

вода:

— Я обещал ей, что приду на её выпускной.

Ли Чэнь немного подумал, но всё же повернулся и встретился глазами с Цзи Шаотином. Свет снаружи проникал внутрь, и Цзи Шаотин в тёплом оранжевом свете слегка улыбнулся ему. В груди Ли Чэня внезапно защемило, словно что-то пробивалось сквозь его сердце.

Он быстро отвернулся, и воздух в тесной машине снова стал тихим.

В эту ночь облака были густыми, луна то появлялась, то исчезала, лишь изредка пробиваясь сквозь щели, оставляя серебристо-серые лучи. Ночь была глубокой и плотной, как густая синяя тушь.

Обратный путь был недолгим, но из-за пробок Ли Чэнь свернул на объездную дорогу. Два луча фар пробивали тьму на несколько метров вперёд. Цзи Шаотин иногда слышал, как колёса переезжают мелкие камни.

Улицы были серыми и тусклыми, изредка освещались, но постепенно свет смешивался с тенями, сливаясь воедино, погружаясь в сон.

Когда Ли Чэнь заехал в гараж, Цзи Шаотин уже был в самом центре сна. Должно быть, это был приятный сон: его лицо было спокойным и умиротворённым, брови расслаблены, а на кончике одной из них была маленькая красная родинка.

<http://bllate.org/book/16306/1470618>